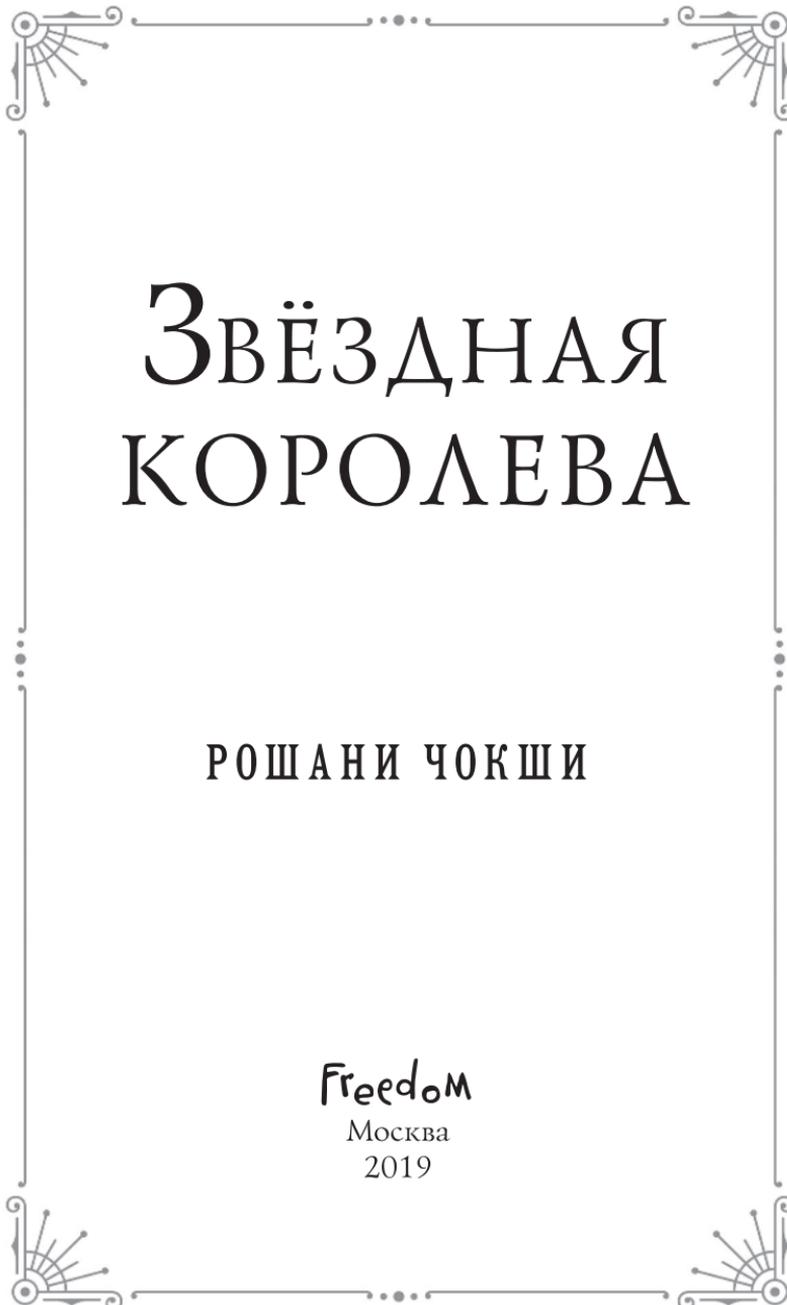

Читайте в серии:
ЗВЁЗДНАЯ КОРОЛЕВА
Продолжение следует...

ЗВЁЗДНАЯ КОРОЛЕВА

РОШАНИ ЧОКШИ

Freedom

Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ч-75

Roshani Chokshi
THE STAR-TOUCHED QUEEN

The Star-touched Queen © Roshani Chokshi, 2016
First published by St. Martin's Press
Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency

Чокши, Рошани.

Ч-75 Звездная королева / Рошани Чокши ; [пер. с англ. К. А. Эбауэр]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Young Adult. Фэнтези. Избранная звездами).

ISBN 978-5-04-100174-2

«Я была околдована с первой строчки. Великолепная, чувственная книга, наполненная романтикой и мифологией».

Сара Маас, автор бестселлеров New York Times

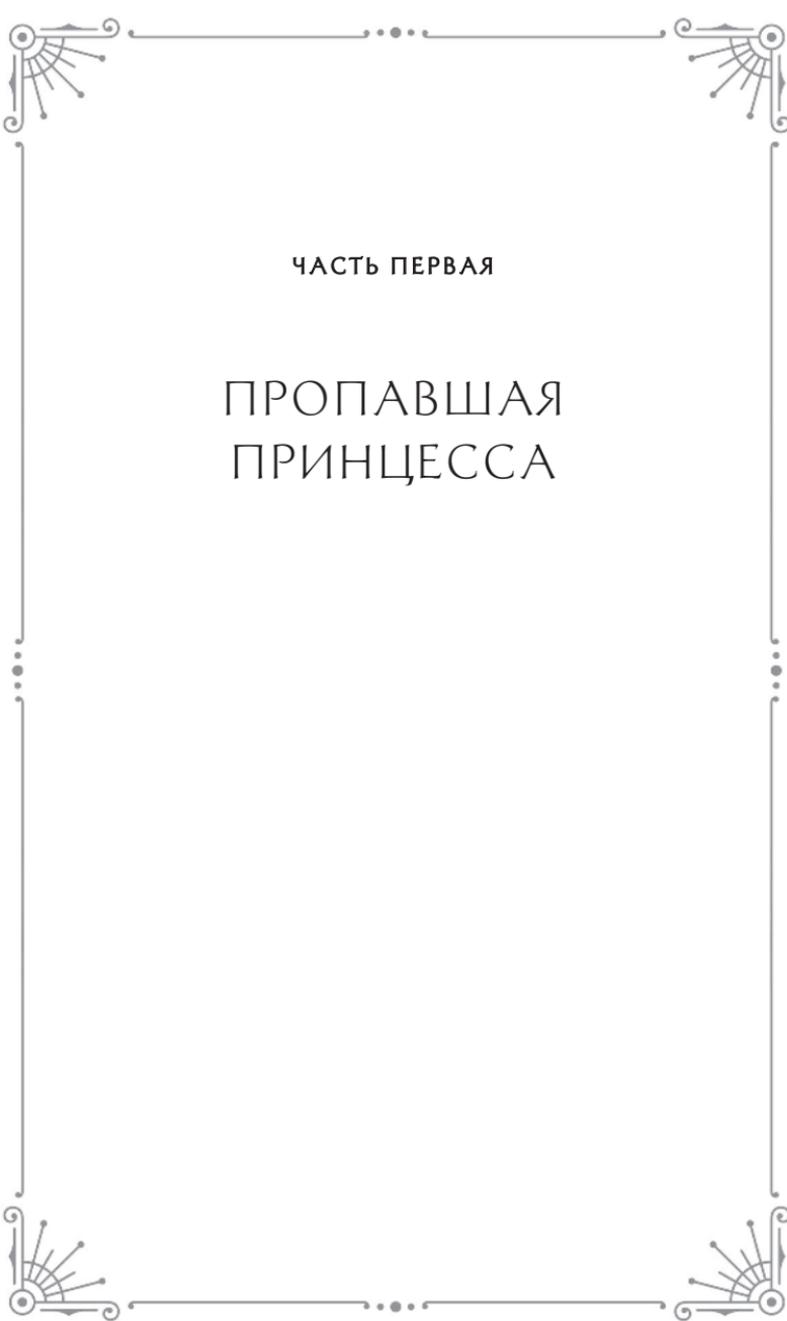
Майя проклята звездами. Гороскоп предрекает ей, что тот, кого она полюбит, свяжет девушку со смертью и разрушением. Но и без того жизнь Майи нельзя назвать похожей на сказку. Она — дочь раджи, обреченная жить в золотой клетке гарема и терпеть насмешки многочисленных обитательниц дворца. Когда в день выбора женихов Майя подносит к губам яд, ее спасает таинственный незнакомец. Отправившись с ним, девушка попадает в мир, о котором даже не могла грезить. Ночной базар, где небо расколото надвое и где торгуют желаниями. Дворец со стеклянным садом, деревом воспоминаний и потайными дверями. Гобелен, сотканный из лунного света и людских судеб. Но кто на самом деле этот незнакомец, которому подвластна столь сильная магия? Майя чувствует, что попала в ловушку. Сможет ли смертная девушка, оказавшаяся в Иномирье, разгадать его секреты и найти собственную судьбу, потерявшуюся во множестве реинкарнаций?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100174-2

© Эбауэр К.А., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Моей семье:
первым, кто выслушает,
и последним,
кто станет отговаривать*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОПАВШАЯ
ПРИНЦЕССА

НЕ ПРИЗРАК

Глядя в небо над Бхаратой, я словно обменивалась с ним секретами. Познавала потаенное, личное, будто проникала за завесу ста миров. Стоило поднять глаза, и на миг я могла представить все, что небеса скрывали от прочих. Видела, как ветра распахивают серебристые рты в зевке и засыпают, свернувшись клубком. Видела луну, что изгибается улыбкой-полумесяцем. Поднимая глаза, я познавала жизнь, столь же необъятную, как само небо. Столь же бесконечную. И столь же неизведанную.

Но сегодня было не до витания в облаках. Долг приковал мой взор к погребальному костру, что медленно продвигался к гарему. Я подавила рвущийся наружу кашель. От закопченных курильниц тянулся дым, наполняя мои легкие густым приторным запахом го-

рящих бархатцев. Подле костра рвали на себе волосы плакальщицы, подвывая и размазывая по лицам пепел. Я бы прониклась представлением, но их выдавали скупчающие взгляды. Явно наемницы. Истинной скорби при дворе моего отца не было места.

От погребальной процессии гарем отделяла ширма из слоновой кости, но я все же мельком увидела раджу¹ через решетку. В белом шервани, на шее ожерелье с нанизанными родовыми камнями его детей. У самого горла в водянистом утреннем свете блеснули и мои камни — горстка тусклых сапфиров. Отец склонил голову к уху бледного придворного и заговорил вполголоса. Отнюдь не о мертвой жене на костре. Он, верно, даже имени ее не знал. Ее звали Падмавати. У нее было круглое лицо, и каждое утро она напевала, с затаенной улыбкой поглаживая свой растущий живот. Я ни разу не слышала от нее дурного слова. Ни о ком. Даже обо мне.

Нет, отец обсуждал войну. Ее тень нависала над нами испокон веков, порой незаметная, но незыблемая. Я мало что знала о войне, однако всюду видела ее след. На болезненно-желтоватом лице отца. В горестно опущенных бровях придворных. В опустевшей казне и под навесами, где дожидались сожжения некогда полные сил солдаты.

Я наклонилась ближе, пытаюсь разобрать слова раджи, но меня тут же отдернули назад.

¹ Титул индийского монарха.

— Убирайся, — прошипела матушка Дхина. — Не-гоже тебе стоять впереди.

Я стиснула зубы, но отступила, не проронив ни звука. Не стоило давать женам лишний повод для злости. Хоть они и прикрывали губы шелком, слова их были остры, как обнаженные кинжалы. Никто не поверил придворному лекарю, объявившему, что Падмавати умерла родами. В их глазах существовал лишь один убийца...

Я.

* * *

В призраков в Бхарате тоже не верили, ведь мертвые не задерживаются на земле и мгновенно перерождаются. Освободившись, душа воплощается заново: тигром ли с великолепными полосками, ясноглазой гопи² или раджой в усыпанном драгоценностями одеянии. Я так и не решила, считать ли реинкарнацию способом устрашения или посланием надежды. *«Следи за своими деяниями, чтобы не вернуться тараканом. Раздавай милостыню бедным, и в следующей жизни станешь богатым»*. Из-за этого все добрые поступки вызывали сомнения.

И все же приятно было сознавать, что в моем краю нет призраков. Значит, и я жива. Да, для всех вокруг я равно что мертвая, но хоть не призрак. Не спек-

² Девочка-пастушка. В ряде традиций кришнаизма гопи почитаются как вечные спутницы и возлюбленные Кришны.

тральный отпечаток того, что существовало, умерло и не смогло покинуть наш мир. Это давало мне шанс на жизнь.

Когда погребальная процессия завершила свой путь, солнце едва озаряло небосвод. Скорбящие разбрелись сразу после королевской речи, и теперь на похоронах Падмавати верховодило лишь пламя. Когда же по двору разнесся звон полуденного колокола, даже запахи — дыма и лепестков, соли и жасмина — исчезли, унесенные ветрами в далекое и безмолвное царство мертвых.

Передо мной сверкали залы гарема, пронзительные, точно глаза хищника. Свет цеплялся за изгибы статуэток и скользил по отражениям в неподвижных водах бассейнов. Вдалеке распахнулись огромные двойные двери, запуская внутрь мягкий полуденный зной. Я никогда не доверяла тишине гарема.

В тени за моей спиной скрывались жилые комнаты и личные покои жен и моих единокровных сестер. Няньки в королевской детской укладывали малышей спать. Наставники занудно вещали помолвленным принцессам о землях и предках их будущих мужей.

У меня тоже была назначена встреча. С очередным наставником. Бедолаги. Никто из них не задерживался надолго — по моему ли решению или по собственному, зависело от человека. Не то чтобы я не любила учиться, просто от них не могла узнать того, чего на самом деле желала. Знания, к которым я стремилась, парили высоко над их головами. Буквально.

Снаружи, за толстыми стенами гарема, загрохотали гонги. В воздух с раздраженным криком взвились вырванные из сна попугаи. Знакомое шарканье остроконечных башмаков, перезвон золотых кисточек и нервные голоса слились в низкий гул. Советники отца направлялись в тронный зал, дабы выслушать его волю.

С минуты на минуту он должен был объявить о своих планах борьбы с мятежными королевствами. Сердце екнуло. Отец никогда не начинал вовремя, зато сразу переходил к делу, не тратя ни секунды на пустую придворную болтовню. Значит, мне пора было спешить в тронный зал, а ведь еще предстояло встретиться с «наставником недели». Я молилась, чтобы он оказался простаком. А еще лучше — суевренным.

Отец как-то сказал, что истинный язык дипломатии сокрыт в паузах между словами. Мол, главное орудие политика — тишина.

Как выяснилось, тишина также орудие шпиона.

Я сняла все, что могло издать хоть малейший шум — золотые браслеты, длинные серьги, — и спрятала за вырезанной из камня фигуркой майны. Перемещение по гарему походило на погружение в таинство. Из ниш вдоль коридоров выглядывали статуи грустноглазых богов и богинь, что изгибали спины, будто пойманные в вихре танца. Свет, преломляясь в гранях хрустальных чаш, падал на стены яркими лучами цвета свежей

крови, а зажженные дии³ обволакивали зеркала и залы дрожащей дымкой и ароматом лепестков. Я шла, касаясь острых краев. Мне нравилось ощущать под пальцами камень — его твердость напоминала мне о собственной материальности.

Стоило свернуть за последний угол, как по коже побежали мурашки от резкого смеха гаремных жен, наполнившего коридор. Единственное, что мне в них нравилось, это постоянство в привычках. Вся моя жизнь строилась на однообразии их будней. Я, наверное, с точностью до удара сердца могла предсказать, когда они решат обменяться сплетнями.

Я уже почти прошмыгнула мимо, как вдруг замерла от звуков имени... моего имени. По крайней мере, именно оно мне послышалось. Я сомневалась, но двинуться дальше не могла, как бы ни хотела убраться подалее отсюда.

Затаив дыхание, я шагнула назад и приникла ухом к занавеске.

— Жаль, — раздался голос, охрипший от многолетнего курения кальяна с ароматом роз.

Матушка Дхина. Она правила гаремом железной рукой. Может, она и не подарила радже сыновей, но обладала несомненным достоинством: живучестью. Она перенесла семь беременностей, двух мертворожденных малышек и потливую горячку, что за послед-

³ Свечи.

ние три года унесла жизни восьми жен. Слово матушки Дхины было законом.

— Чего жаль?

Жеманный голос. Матушка Шастри. Вторая по главенству. Из молодых жен, но недавно родила близнецов. Она была гораздо коварнее матушки Дхины, но ей недостает амбиций, что свойственны истинному злу.

— Жаль, что Адвिति ушла не так, как Падмавати.

Я стиснула кулаки, впиваясь в ладони ногтями. Адвिति. Я пробыла с ней не так долго, чтобы успеть назвать матерью. И не знала о ней ничего, кроме имени и смутных слухов, будто она не ладила с другими женами. Особенно с матушкой Дхиной. Когда-то они были соперницами. И даже смерть не даровала ей прощения матушки Дхины. В остальном Адвिति оставалась туманным образом в моей голове. Порой, не в силах уснуть ночами, я пыталась наполнить его красками, но ничего не могла вспомнить — ни длины ее волос, ни аромата ее кожи. Адвिति была загадкой, и от нее мне досталось лишь имя и ожерелье. Я инстинктивно потянулась к ее последнему дару: круглому сапфиру на жемчужной нити.

— Обычно, если женщина умирает в родах, то и ребенок тоже, — прохрипела матушка Дхина, и я почти ощутила запах дыма, клубящегося меж ее зубами.

Матушка Шастри порицающе цокнула:

— Нехорошо так говорить, сестра.